

Научная статья

УДК 398.3+398.42+299.51

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-9-20

Пекинские мифологические рассказы о Матушке Колокольного литья

Аглая Борисовна Старостина

Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

abstarostina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2421-2484>

Аннотация

Не позже второй половины XIX в Пекине появилось предание о гибели дочери литейщика при отливке большого колокола для Колокольной башни. Оно родственно группе связанных с культами покровителей ремесла сюжетов о духах людей, бросившихся в печь. Религиозное предание эволюционировало, превратившись в секулярную городскую легенду. В статье рассмотрены особенности нескольких мифологических рассказов об изготовлении колокола на башне Чжунлоу, зафиксированных фольклористами в Пекине с 1950-х по 1980-е гг. Одновременно уделено внимание первой известной англоязычной (1870-е гг.) и первой известной китайской (1930-е гг.) любительским записям пекинского предания о колоколе и материалам интернет-фольклора. Прослежена связь этих текстов с современными им аналогичными нарративами из других регионов, а также со средневековыми преданиями о покровителях ремесла, с древней верой в действенность человеческой жертвы для металлургического производства и конфуцианскими представлениями о почитательности к родителям.

Ключевые слова

китайский фольклор, миграция сюжетов, городской фольклор, покровители ремесла, демонология

Для цитирования

Старостина А. Б. Пекинские мифологические рассказы о Матушке Колокольного литья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-9-20

Beijing Mythological Stories about the Lady of the Bell Foundry

Aglaia B. Starostina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

abstarostina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2421-2484>

Abstract

In the second half of the nineteenth century at the latest, a legend emerged in Beijing about the sacrificial death of the founder's daughter during the casting of a large bell for the Bell Tower. It is similar to a group of medieval Chinese tales associated with the cults of patron deities of the crafts. These have their origins in tales from Western regions related to Eastern European stories of walled-up wives. In the case of the Beijing tradition, the religious tale is transformed into a secular legend with, at best, a tenuous connection to a local cult. The story of the casting of a bell for the Bell Tower persists in Beijing's oral tradition to this day. There are also a number of related stories told in other regions of China, as well as Korean tales that are genetically linked to it. The article examines both the structural and

© Старостина А. Б., 2024

semantic features of several mythological stories about the making of a bell for the Bell Tower recorded by Chinese folklorists from the 1950s to the 1980s, alongside those of the first known English (1870s) and the first known Chinese (1930s) amateur recordings of the legend. It also traces the connection of these texts with similar narratives from other regions, as well as with the aforementioned medieval legends of patron deities of crafts, ancient beliefs in the efficacy of human sacrifice for metallurgical production characteristic of the Wu region, and Confucian notions of filial piety.

Keywords

Chinese folklore, plot migration, urban folklore, patron deities of crafts, demonology

For citation

Starostina A. B. Beijing Mythological Stories about the Lady of the Bell Foundry. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-9-20

Введение

В статье рассмотрена группа мифологических рассказов об изготовлении большого колокола для пекинской Колокольной башни (鐘樓 *Чжунлоу*). Отраженное в них предание появилось в Пекине не позже середины XIX в. Наиболее известная его версия такова: император велит отлить бронзовый колокол для башни, но литейщикам не удается выполнить работу в срок: они не могут получить сплав нужного качества. Дочь чиновника, ответственного за работу, или одного из мастеров бросается в литейную печь. Ее тело растворяется в металле, и из полученного сплава наконец изготавливают колокол. В его звоне слышится слово «башмак»: перед гибелью девушка уронила вышитый башмачок.

В некоторых текстах сказано, что в память героини ставят храм, где ее почитают под именем Матушки колокольного литья (鑄鐘娘娘 *Чжу чжун нянян*). Ли Цяо (李喬), Гу Сицзя (顧希佳) и другие фольклористы показали, что эти рассказы родственны историям о «духах [людей], бросившихся в печь» (投爐神 *тоу лу шэнь*), объясняющих культы покровителей металлургии [Гу Сицзя, 2002; Ли Цяо, 2013; Чэнь Ляньшань, 2003]. Ниже изложена краткая предыстория предания на основе приводимых этими исследователями данных, а также разобраны структурные и семиотические особенности мифологических рассказов о пекинском большом колоколе, записанных в XIX–XX вв.

Предания о тоу лу шэнь

Свидетельства о культах «бросившихся в печь» охватывают период с середины VIII по XIX в. [Ли Цяо, 2013, с. 171–172]. Сначала они ограничены историческим юго-восточным регионом У¹, а к XV–XVI вв. распространяются дальше. Так, в сборнике Чжу Гочжэня (朱國楨, 1558–1632) «Мелкие записки из кабинета Юнчжуан» (涌幢小品 *Юнчжуан сяо пинь*) зафиксировано хэбэйское предание, связанное с выплавкой железа на казенных заводах в Цзуньхуа (о производстве железа в Цзуньхуа см. [Бокщанин, 1976, с. 236; Стужина, 1970, с. 90]). В нем дочери ответственного за выплавку металла чиновника, совершив самоубийство, получают от двора титулы бессмертных дев Металла и Огня – 金火仙姑 *Цзинь Хо сяньгу* (по: [Гу Сицзя, 2002, с. 57]). Заводы в Цзуньхуа открыли в начале XV в., для них нужны были новые мастера. Некоторые из них, очевидно, прибыли с юго-востока и принесли с собой усский культ.

В 15 цз. «Новых речей о Гуандуне» (廣東新語 *Гуандун синь юй*) Цюй Дацзюня (屈大均, 1630–1696) говорится о местном культе жены литейщика, бросившейся в печь, «чтобы выход железа был больше»: за ее мужем числилась недоимка по казенному металлу [Цюй Дацзюнь, 1991, с. 362]. Металлургическое производство в Гуандуне (прежде всего в Фошане) расцвело при Мин [Wagner, 1997, p. 75]. Скорее всего, и сюда это предание принесли металлурги из исторических земель У.

¹ О первом описании такого культа см.: [Старостина, 2023, с. 146].

Тексты, объясняющие происхождение культов *тоу лу шэнь*, имеют схожую структуру: 1) ремесленнику / чиновнику, надзирающему за ремесленниками, не удается выполнить работу; 2) его дочь или жена бросается в расплавленный металл или в огонь; 3) изделие изготовлено / необходимое количество металла получено; 4) погибшая становится божеством и покровительствует ремесленникам.

По указателю С. Томпсона в них определяются такие мотивы: S263.5 «Жертвенное самоубийство»; R154.3 «Дочь спасает отца»; D2192 «Выполненная днем работа волшебным образом уничтожается ночью» или близкие к нему; S260.1 «Человеческое жертвоприношение» и D1766.2 «Чудесные результаты жертвоприношения»: A451.1.1 «Богиня кузнечного дела»².

Костяк сюжета имеет сходство со структурой европейских баллад о строительной жертве, имеющих индийское или иранское происхождение [Старостина, 2023, с. 149–153]. В китайских преданиях о *тоу лу шэнь* речь идет о жертве при литье металла: к западному сюжету присоединяются узкие верования о том, что человеческая жертва во время работы по металлу обуславливает выдающиеся качества изделия (об этих последних см.: [Яншина, 1984, с. 94; Не, 2021, р. 65]). Участвует здесь и императив дочерней почитательности: часто *тоу лу шэнь* – дочери, спасающие отца от неминуемого наказания. С XIX в. появляется родственная группа нарративов – о жертве при изготовлении *колокола*. Сюда относятся мифологические рассказы, связанные с пекинской Колокольной башней.

Большой колокол на Колокольной башне в Пекине

История об изготовлении колокола, висящего на Колокольной башне в Пекине, входит в число популярных «туристических» преданий. Но записанных фольклористами рассказов на эту тему сравнительно мало. Мы рассмотрим 6 рассказов, зафиксированных в промежуток с 1873 по 1987 г. собирателями фольклора – профессионалами и любителями, а также дадим краткую справку об истории колокола на башне Чжунлоу и культах, связанных с литейной мастерской, где он был изготовлен.

Современная Чжунлоу – кирпичное сооружение цинского времени [Lei, 2020, р. 354]. Бронзовый колокол, висящий на ней, был изготовлен в XV в. при Чжу Ди (朱棣) – императоре годов Юнлэ (1403–1424) [Ibid., р. 358]. Первоначально и совсем недолго на башне висел железный колокол; вскоре вместо него повесили бронзовый. Железный колокол в 1920-е гг. был установлен у башни (а раньше лежал поблизости на боку) и оставался там вплоть до 1983 г., когда его перевезли в музей древних колоколов [Тань Найли, 2010, с. 388].

Вплоть до 1924 г. бронзовый колокол на Колокольной башне звонил дважды в сутки. Ежевечерне в семь часов он отбивал серию из 108 ударов; в то же время били барабаны на Барабанной башне, расположенной рядом. Затем звонили колокола на воротах внутреннего города, и ворота закрывались на ночь, как и уличные барьеры. В 5 утра серия ударов колокола и барабанов повторялась, и ворота открывались [Dray-Novey, 1993, р. 896–897; Hung, 2003, р. 123–124]. В 1924 г. колокол сняли. В 1993 г. его снова водрузили на башню, но время он больше не отбивает.

К западу от башни с XV в. располагалась литейная мастерская, по имени которой назван переулочек Колокольного литья (鑄鐘胡同 *Чжун Чжун хутун*) [Lei, 2020, р. 180–181]. В эпоху Мин при ней существовал храм Чжэньу (真武) – воинственного даосского божества, в котором еще в первой половине XVII в. устроили придел, посвященный богине по имени Цзиньлу шэн му (金爐聖母, Святой матери Золотой печи). В годы Цяньлун (1736–1796) уже весь храм был посвящен Цзиньлу шэн му. С середины Цин, как заключает Лэй Ян по эпи-

² Thompson S. Motif-index of folk-literature. Bloomington: Indiana Uni. Press, 1955–1958. In 6 vols. Web version: URL: https://ia800408.us.archive.org/30/items/Thompson2016MotifIndex/Thompson_2016_Motif-Index.pdf (дата обращения 06.08.2023).

графическим источникам, из богини литейщиков Святая мать превратилась в патронессу городского района [Lei, 2020, p. 182–183].

В XX в. этот храм был известен как «Кумирня Святой матери Золотой печи – матушки Колокольного литья» (金爐聖母鑄鐘娘娘廟 *Цзиньлу шэн му чжу чжун нянян мяо*). После образования КНР его здания были переданы под жилые дома [Ван Бинь, Сюй Сюшань, 2008, с. 138; Хань Цзяньши, 2009, с. 91].

Мифологические рассказы упоминают о том, что храм был воздвигнут в честь дочери литейщика. Но следов предания о жертве колоколу нет в эпиграфических источниках, имеющих отношение к кумирне Святой матери Золотой печи. Его возникновение датируют примерно серединой XIX в. [Lei 2020, p. 205]. Хань Цзяньши (韓建識) доказывает, что при Цин под именем Святой матери Золотой печи почиталась не дочь литейщика, но богиня Нюйва (女媧) – покровительница металлургов и гончаров [Хань Цзяньши, 2009, с. 90].

Мифологические рассказы о большом колоколе: содержание и мотивы

Колокола, звон которых оформлял начало и конец ночи, регулировали жизнь горожан. Они обрастали символическими значениями, им приписывали способность отгонять болезнетворные влияния, а из-за связи с комендантским часом они ассоциировались с государственным насилием. Неудивительно, что пекинская Колокольная башня оказалась связана с сюжетом о человеческом жертвоприношении.

Публикацию первой записи предания о колоколе на Чжунлоу осуществил фольклорист-любитель Дж. К. Стент (George Carter Stent, 1833–1884) в материале под названием «Китайские легенды» [Stent, 1873]. Материал Стента еще не использовался фольклористами, которые занимались данным сюжетом.

1. Когда столица была перенесена в Пекин, в городе развернулось строительство. Возвели Барабанную и Колокольную башни. Но колокол, который по пропорциям подходил бы Колокольной башне, изготовить не удалось. Император поручил чиновнику по имени Гуань Юй (? Kuan Yu), отличившемуся при литье пушек, сделать колокол, звук которого был бы слышен во всем городе. Гуань Юй приступил к работе.

Через несколько месяцев император явился посмотреть, как металл выливают в форму. Литье было неудачным: поверхность колокола оказалась пористой. Для второй попытки дали несколько месяцев, но всё повторилось. Император обещал казнить чиновника, если колокол не будет готов и в третий раз. Гуань Юй рассказал об этом своей единственной дочери, Гэ-ай (Кэ-ай? Ко-ай). Она обратилась к гадателю за советом и узнала, что для отливки колокола в сплав следует добавить кровь девственницы.

Во время церемонии литья Гэ-ай в присутствии собравшихся мастеров и придворных бросилась в расплавленный металл. Одна из служанок попыталась поймать ее, но ухватила лишь башмачок. Отец хотел броситься вслед за дочерью. Его успели оттащить, однако он сошел с ума. Колокол на этот раз не имел изъянов. От тела девушки ничего не осталось. Когда колокол подняли на башню, послушать его пришел сам император. Гулкий звон, к всеобщему ужасу, каждый раз завершался женским криком: «Се!» («Башмак!»). До сих пор люди, слыша этот звук, вздрагивают и говорят: «Это голос бедной Гэ-ай, она ищет свой башмачок» [Ibid., p. 184–188].

Сюжет строится на гибели дочери ради спасения отца (по указателю С. Томпсона – мотивы S263.5 «Жертвенное самоубийство, R154.3 «Дочь спасает отца»). Героиня решает на самопожертвование из соображений почтительности перед родителями – *сяо* (孝), одной из ключевых ценностей традиционного китайского общества.

Вместе с тем это история о серии неудачных попыток создать колокол (близко к мотиву D2192 «Выполненная днем работа волшебным образом уничтожается ночью»; можно предложить D2192.2* «Колокол не удастся изготовить раз за разом»). Добиться успеха можно, только принеся в жертву девственницу (S260.1 «Человеческое жертвоприношение», D1766.2

«Чудесные результаты жертвоприношения»). Предшествующий нарратив оказывается объяснением для странного звона (D1610.15 «Говорящий колокол»). Присутствует и мотив E415.1 «Призрак возвращается, пытаюсь добыть потерянный предмет».

Комбинация мотивов, которая встречается в этой истории, за исключением D1610.15 и E415.1, характерна и для более ранних историй о *тоу лу шэнь*. Но смена акцентов очевидна. Это не столько героическая, сколько трагическая история. О последующем культе жертвы не говорится. Отец, ради которого девушка пожертвовала собой, сошел с ума. Слыша звон, люди «вздрагивают».

2. В краеведческой брошюре «Записи о посещении древностей Яньцзина» (燕京訪古錄 *Яньцзин фан гу лу*, 1934), составленной Чжан Цзянцзаем (張江裁, 1908–1968), содержится первая известная фиксация предания на китайском языке.

Когда колокол отливали, работа долго не шла на лад. Инженер должен был понести наказание; его дочь пришла в литейную мастерскую и прыгнула в расплав. Только тогда колокол удалось изготовить. У печи остался лежать башмачок. До сих пор в нижней части колокола виден отпечаток женского башмака. Об этом случае доложили двору, и девушке пожаловали титул «Матушки Колокольного литья – почтительной мученицы» (鑄鍾孝烈娘娘 *Чжу чжун сяо ле няннань*), у мастерской поставили ее кумирню. Когда били в колокол, был слышен протяжный звон – «Се». Во время ветра с дождем он звучал еще более странно. Цяньлун, услышав колокол и узнав об этой истории, даровал божеству еще и титул *хоу* (侯). В 1900-е гг. колокол сняли, так как он был поврежден. Теперь он стоит рядом с башней [Чжан Цзянцзай, 1996, с. 489].

В общих чертах рассказы совпадают. В отличие от предыдущего примера, отсутствует эпизод с гадателем; добавлено звено, в котором говорится об обожествлении героини (A451.1.1 «Богиня кузнечного дела», Q172.9 «Обожествление как награда»). Детали, которых не было у Стента: упоминание о железном колоколе; отпечаток туфли; утверждение, согласно которому колокол звучит наиболее странно в непогоду (намек на демонические свойства героини). Жалование титулов «почтительной мученице», скорее всего, имеет целью откупиться от потустороннего существа, у которого есть основания для недовольства.

3. Следующий текст включен в сборник «Предания Пекина» под редакцией Цзинь Шоушэня, составленный в середине 1950-х гг.; имена информантов и собирателей в нем не указаны³.

До 1924 г. люди в Пекине и его окрестностях каждый вечер в 7 часов слышали звон колокола: «Се! Се! Се!» В это время, особенно в зимнюю стужу, матери говорили детям: «Матушка Колокольного литья ищет башмачок. Спице, не тревожьте ее». Некогда по императорскому указу для Чжунлоу должны были изготовить большой колокол. Надзирать над литейщиками отрядили ремесленника Дэна; он с женой и дочерью жил рядом с литейной мастерской. Вскоре железный колокол был готов, но император остался недоволен. Он сказал, что нужен бронзовый колокол, который будут слышать даже в предместьях. Мастерам дали три месяца.

Под угрозой смертной казни они взялись за дело. Но то сплав не получался, то металл в форме не застывал. В последний день срока дочь мастера Дэна отпросилась у матери посмотреть, как идет работа. Увидев ремесленников, которые пребывали в очевидном отчаянии, она спросила, в чем дело, и узнала, что завтра их всех казнят. Девушка решила, что тогда и ей незачем жить, и бросилась в расплавленный металл. Отец попытался поймать ее, но у него остался только башмачок. Дочь погибла, превратившись в сизый дымок.

Расплав же сгустился и заблестел. Колокол наконец получилось отлить, но, когда в него ударяли, в конце звона слышался крик: «Башмак!». На месте, где была литейная мастерская, поставили кумирню Матушки Колокольного литья. Железный колокол долго лежал без дела,

³ Нами использовано переиздание 1981 г.

а в 1925 г. его установили позади Барабанной башни, где он напоминает всем о Матушке [Цзинь Шоушэнь, 1981, с. 56–62].

Речь идет уже не о чиновнике и не об инженере, а о ремесленнике. Как и в примере 2, упомянут старый колокол во дворе Чжунлоу. Мотивация героини – отчаяние (тоже окрашенное дочерней почтительностью). Есть упоминание о кумирне, воздвигнутой в ее честь. Остается мотив E415.1 «Призрак возвращается, пытаясь добыть потерянный предмет».

Как и в предыдущем тексте, звуки колокола изменяются в непогоду. Мотив «Обожествление как награда» сохраняется. Замечательно свидетельство о том, что детей вечером утихомиривают упоминанием о Матушке, которая ищет башмачок, – если не говоря, что она может причинить им вред, то, во всяком случае, слегка их пугая.

Близкий к этому примеру рассказ записали на видео от старожил Пекина в июне 2023 г.⁴ Изготавливают железный колокол, но император требует бронзового; во главе литейщиков мастер Дэн; колокол не успевают отлить в срок; дочь Дэна отпрашивается у матери, отправляется нарядная к отцу; услышав о казни литейщиков, бросается в печь; у отца в руках остается башмачок; девушка превращается в сизый дым, а металл меняет цвет, после чего колокол удается изготовить; в конце звона слышится «Башмак!»: «ей нужен ее башмак».

4. В записанном от фабричной работницы (Шэнь Ляньжуй 沈蓮瑞, 61 год) в 1959 г.⁵ коротком рассказе колокол всё так же звонит «се», но теперь это не «башмак» (鞋), а «кривой» (斜).

Чиновнику, который отвечал за отливку колокола, не удавалось повесить колокол на башню, хотя в его распоряжении было много работников. Дочь сказала ему, что без нее ничего не выйдет; поднялась наверх, подтолкнула колокол и свалилась вниз, а колокол наконец повис на башне. Когда она падала, у нее с ноги упал башмачок. С тех пор, как ударят в колокол, всем слышится «Се!» («Криво!»), потому что висит он неладно [Цзинь Шоушэнь, 2020, с. 154].

Примечательно, что в рассказе отсутствуют упоминания о сложностях при отливке колокола. Затруднение состоит в том, что не удается повесить на башню уже готовый колокол. Девушка гибнет при падении с высоты, а не в печи. Мотивация сходна с описанной Стентом: дочь знает, что для выполнения отцовского задания нужна жертва. Эпизод, в ходе которого могла быть получена эта информация, отсутствует, таким образом, налицо мотив из группы D1810 «Чудесное знание». Обожествления нет, тема дочерней почтительности смазана. О посмертном существовании жертвы не сказано, хотя звон колокола и напоминает о трагической гибели девушки.

Пятый (записан в 1986 г. от Лю Чжэньтина 劉振庭, кадрового работника на пенсии, 81 год) и шестой (записан в 1987 г. от неграмотного крестьянина 87 лет Сюй Чжэня 許真) рассказы вошли в пекинский том собрания «Свод китайских народных повествований» (中國民間故事集成 Чжунго миньцзянь гуши цзичэн).

5. Когда колокол на Колокольной башне звонил, он будто говорил: «Башмак!» Говорят, что, когда его отливали, влили в металл одну девушку. Жила семья: родители и дочь. Отец был бригадиром у литейщиков. Император под страхом смертной казни велел изготовить в определенный срок большой колокол для Колокольной башни. Колокол никак не получался, и бригадир не находил себе места. Подслушав разговор родителей, дочь упростила отца взять ее с собой в мастерскую, а там, видя, что никто и не надеется успеть в срок, бросилась в расплавленный металл. Поднялся сизый дым. У отца в руках остался только вышитый башмачок. Рабочие наконец отлили колокол. Потом он и стал звонить: «Башмак!» Это девушка хочет получить обратно свой башмачок [Чжунго..., 1998, с. 324–325].

⁴ URL: <https://youtu.be/2c2b6N0OaI> (дата обращения 06.07.2023).

⁵ Здесь использовано переиздание 2020 г.

Здесь новых мотивов нет. Посмертное существование героини привязано к колоколу; это постоянно печальный призрак, как и в примерах 1–3. Об обожевлении ее речи здесь не идет.

6. Император созвал мастеров со всей страны и велел отлить большой колокол. В случае неудачи он обещал рабочих стереть в порошок, а прораба сжечь в жертву очагу. Колокол отлили, но повесить не смогли. Перед прибытием императора прораб в страхе бросился в плавленную печь. Дочь попыталась спасти его, но ухватила только башмак. К колоколу явился некий старик. Рабочие хотели прогнать его, но он произнес странную фразу о том, что уже стар и «в земле по шею». Разгадав ее, они подвели под колокол земляную насыпь и подняли его на башню. Старик исчез, и люди поняли, что это был сам Лу Бань (魯班). Император принял работу; колокольный звон был очень красив, а в конце каждой серии звуков слышалось «Башмак» [Чжунго..., 1998, с. 325].

В шестом повествовании две темы соединены таким образом, что вместо «женского» сюжета образуется «мужской». В первой половине герой – прораб, во второй – покровитель строителей Лу Бань (мотив N817.0.1 «Бог как помощник»). Как и в 4-м примере, о сложностях при изготовлении колокола не упоминается; колокол не удается повесить, и прораб убивает себя, предвосхитив казнь, назначенную императором. О жертве речь не идет; гибель прораба не приводит к водружению колокола, но делает положение рабочих, лишившихся организатора, еще более отчаянным. Нет ни обожевления, ни темы дочерней почтительности.

Вторая половина сюжета близка к преданию о возведении пагоды в монастыре Кайюаньсы, записанному в 1986 г. в городе Динчжоу пров. Хэбэй. Начальник округа, получив императорское поручение построить огромную пагоду, созвал строителей и обещал казнить их, если они не выполнят приказ. Никто не понимал, как это сделать, и несколько десятков человек убили. Единственному оставшемуся строителю дали три дня на решение задачи. Он отправился плакать к могилам предков. Какой-то старец заметил, что рад бы ему помочь, но уже немощен, «в земле по шею». Старик исчез, а мастер догадался: пагоду можно возвести, если по мере строительства насыпать вокруг каждого яруса землю. План приняли, и пагоду удалось построить. Старик же этот был сам Лу Бань [Чжунго..., 2003, с. 300]. Другими вариантами этого сюжета мы не располагаем, но можем предположить, что в примере 6 с модифицированным сюжетом о пекинском колоколе соединилось хэбэйское предание о Лу Бане, помогающем строителям.

Все приведенные примеры объясняют звучание колокола. Во всех случаях, кроме 4-го, оно интерпретируется как «башмак», но и в этом примере есть упоминание о потерянном башмаке. Звон колокола отождествляется с голосом девушки в примерах 1, 3 (в обоих вариантах) и 5. Все шесть примеров начинаются с задачи, заданной императором (в текстах 2 и 4 упоминание о приказе редуцировано). В четырех случаях говорится о литье колокола, в двух (4 и 6) – о его подъеме на башню и укреплении на балке. Все примеры, кроме 6-го, сходятся в том, что для выполнения задачи требовалась жертва. В примерах 4 и 6 отсутствует тема почтительности к родителям. Строительство кумирни есть только в примерах 2 и 3, как и упоминание о втором колоколе. В примерах 3 и 4 говорится о странном звучании колокола в непогоду. Везде, кроме 4-го, присутствует мотив «Призрак возвращается, пытаюсь добыть потерянный предмет».

Сравнив структуру отраженного в этих примерах предания с текстами о *тоу лу шэнь*, мы можем констатировать замещение заключительного звена: в средневековых рассказах героиня становится покровительницей ремесленников, а в пекинских – даже если ей воздвигают кумирню, ограничивается ежевечерними поисками потерянного башмака.

Демонические свойства жертвы колоколу

В пекинском предании героиня ведет себя скорее как неуспокоенная душа, чем как богиня-покровительница, хотя прямого вреда людям не причиняет. Материалы интернет-фольк-

лора показывают, что Колокольная башня может восприниматься как демоническое пространство, подчиненное женскому демону. В 1970-е гг. пекинская Чжунлоу, территория которой была заперта и находилась в запустении, пользовалась репутацией страшного места у живших поблизости детей: они верили, что в башне живет женщина-призрак⁶.

На форуме *Теба Байду* (貼吧百度) 11 ноября 2011 г. пользователь PRI 小宇 сообщила о недавнем опыте своего приятеля. Он возвращался из бара, отбил от друзей и больше двадцати минут блуждал у стены вокруг Колокольной башни, не находя выхода. Только когда он догадался помочиться, стена расступилась, и он наконец попал на оживленную улицу. Дома старшие объяснили ему, что он встретился с Матушкой Колокольной башни⁷. Конечно, для более четкого представления о месте Чжунлоу и ее духов в городском мифологическом пространстве необходимы дополнительные полевые исследования.

Демонические элементы находятся и в других поздних легендах, сходных с преданием о Матушке Колокольного литья, в том числе в нанкинской, тяньцзиньской и корейской.

Первая запись нанкинского предания относится к 1840-м гг. и содержится в книге «Пересуды из Байся⁸» (白下瑣言 *Байся со янь*), написанной литератором Гань Си (甘熙, 1798–1853). В ней речь идет о колоколе, лежавшем у подножия нанкинской колокольни. «Во время отливки было несколько неудач. Смотрителя работ должны были наказать. Его младшая дочь, скорбя о том, что отцу не избежать [ответственности], бросилась в огонь, пожертвовав собой, и стала божеством колокола (鐘神 *чжун шэнь*)... Нищенки часто ночуют под колоколом, но мужчины [предпринявшие такую попытку] непременно умирают» [Гань Си, 2007, с. 60–61].

В «Чжунго миньцзянь гуши цзичэн» приведена другая версия, где по очереди погибают три дочери литейщика, спасая не отца, а детей – мальчика и девочку, которых велел убить император. Чтобы отомстить императору, они после смерти каждый раз уносят готовый колокол с башни; только у младшей сестры не хватает сил на это [Чжунго..., 1997, с. 319–320; Чэнь Ляньшань, 2003, с. 50].

В Тяньцзине рассказывали, что для изготовления звонкого колокола начальник уезда принес в жертву мальчика и девочку, причем девочка потеряла башмак; родители детей умерли от горя. Узнав о необычном звуке колокола («се»), начальник уезда отправился к башне, где услышал вместо «се» – «ша» (殺 «убью!»), заболел и вскоре умер [Чжунго..., 2004, с. 247–248]⁹.

Родственное корейское предание, тоже позднее, как показал Чэнь Ляньшань, пришло из Китая. Оно связано с колоколом Сондока (изготовлен в VIII в.) в г. Кенджу, согласно которому колоколу принесли в жертву ребенка (девочку или мальчика). Как и в тяньцзиньской истории, речь о согласии ребенка не идет, жертва не обожествляется. В звоне колокола слышен голос ребенка, зовущий мать, которая отдала его на смерть, или обвиняющий ее [Чэнь Ляньшань, 2003].

Таким образом, после смерти дух жертвы колоколу может быть и печальным призраком, и потенциально опасным демоном.

⁶ Юй Сяовэй. Чжун Гу лоу дэ цзи, и цзо нань ванцюэ дэ чэнши [俞曉威. 鐘鼓樓的記憶, 一座難以忘卻的城市]. Воспоминания о Колокольной и Барабанной башнях. Незабываемый город. 31.12.2016. (на кит. яз.) URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/24660106> (дата обращения 06.08.2023).

⁷ URL: <https://tieba.baidu.com/p/1279162050?pn=1> (дата обращения 07.08.2023).

⁸ Байся – одно из старых названий Нанкина.

⁹ В Увэе (пров. Ганьсу) о колоколе в монастыре Даюньсы (大雲寺) рассказывают схожую историю. Начальник округа велел столкнуть в расплавленный металл литейщика. За ним туда бросилась и жена мастера [Цзинь жи Увэй, 1992, с. 29–30].

Заключение

Мифологические рассказы о большом колоколе Чжунлоу бытуют в Пекине до сих пор. Мотивный анализ показывает их происхождение от более ранних легенд о *тоу лу шэнь*, в свою очередь, ведущих начало от комбинации верований в действенность человеческой жертвы для металлургического производства, сюжета о замурованной жене и представлений о дочерней почитательности.

Первоначально сконцентрированные на юго-востоке Китая, нарративы, объясняющие культы *тоу лу шэнь*, с появлением крупных государственных металлургических производств в Гуандуне и в Хэбэе ушли на север и на юг. С XIX в. к ним присоединились мотивы «Говорящий колокол» и «Призрак возвращается, пытаясь добыть потерянный предмет». Поскольку плотность историй о человеческой жертве во время изготовления колокола относительно велика в районе Пекина – Тяньцзиня, скорее всего, там и находился центр, откуда они распространялись и откуда попали на запад – в Ганьсу, и на восток – в Корею.

Набор мотивов в пекинских текстах XIX–XX вв. близок к присутствующему в средневековых рассказах, но смысл повествования меняется. Вымывается религиозная составляющая; ослабевают и тема почитательности к родителям, и собственно связь с литейным производством – в качестве первоначальной задачи встречается не изготовление колокола, но его водружение на башню.

В финале большей части рассмотренных пекинских рассказов говорится о сетованиях слившейся с колоколом и привязанной к колокольной души: погибшая девушка ищет башмак. Гибель героини пекинских мифологических рассказов не подвиг, порождающий богиню-покровительницу, а трагедия. Дочь литейщика не столько образец нравственности, сколько жертва, которая не может смириться с обстоятельствами собственной смерти, а в некоторых случаях принимает и свойства демонического существа.

Список литературы

- Бокшанин А. А.** Императорский Китай в начале XV века. М.: Наука, 1976. 323 с.
- Старостина А. Б.** Китайские предания о строительной жертве в VIII–IX вв. и поклонение богиням кузнечного горна // *Ориенталистика*. 2023. № 6 (1). С. 144–157. DOI 10.31696/2618-7043-2023-6-1-144-157
- Стужина Э. П.** Китайское ремесло в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1970. 264 с.
- Яншина Э. М.** Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 248 с.
- Dray-Novoy A.** Spatial Order and Police in Imperial Beijing // *The Journal of Asian Studies*. 1993. No. 52 (4). P. 885–922.
- He J.** Spring and Autumn Annals of Wu and Yue: An Annotated Translation of Wu Yue Chunqiu. Ithaca: CUP, 2021. 292 p.
- Hung W.** Monumentality of Time: Giant Clocks, the Drum Tower, the Clock Tower // Nelson R. S., Olin M. (eds.). *Monuments and Memory: Made and Unmade*. Chicago: UC Press, 2003. P. 106–129.
- Lei Y.** Les cloches dans les temples de Pékin: paysages sonores et espaces sacrés de la capitale d'Empire, 1420–1900. Thesis, L'Université PSL, 2020. 507 p.
- Stent G. K.** Chinese Legends // *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*. New Series. 1873. No. 7. P. 183–196.
- Wagner D. B.** The Traditional Chinese Iron Industry and its Modern Fate. Surrey: Curzon Press, 1997. xii + 106 p.
- Ван Бинь, Сюй Сюшань** (сост.). Бэйцзин димин дэнь [王彬, 徐秀珊主編。北京地名典]. Справочник пекинских топонимов. Пекин: Чжунго вэньлянь, 2008. 667 с. (на кит. яз.)
- Гань Си.** Байся со янь [甘熙。白下瑣言]. Пересуды из Байся. Нанкин: Наньцзин чубаньшэ, 2007. 200 с. (на кит. яз.)

- Гу Сицзя.** Чуньцю ваньци У Юэ елянь миньсу чуи [顧希佳。春秋晚期吳越冶煉民俗芻議]. К вопросу о связанном с выплавкой металла фольклоре У и Юэ в конце периода Чуньцю // Ханчжоу шифань сюэюань сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2002. № 5. С. 56–59, 89. (на кит. яз.)
- Ли Цяо.** Ханье шэнь чунбай: Чжунго миньчжун цзао шэнь юньдун яньцзю [李喬。行業神崇拜: 中國民眾造神運動研究]. Поклонение божествам – покровителям профессий. Исследование созидания богов китайскими народными массами. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2013. 486 с. (на кит. яз.)
- Тань Найли.** Цзю цзин чэнши цзяньшэ: сюнь цзун чжуй цзи [譚乃立。舊京城市建設: 尋踪追跡]. Городское строительство в старой столице: поиски следов. Пекин: Шоуду цзин-цзи маои дасюэ, 2010. 401 с. (на кит. яз.)
- Хань Цзяньши.** Ши тань Цзинь лу шэн му чжу чжун няньян мяо [韓建識。試談金爐聖母鑄鐘娘娘廟]. К вопросу о Кумирне Святой матери Золотой печи – матушки Колокольного литья // Бэйцзин вэньбо. 2009. № 3. С. 89–92. (на кит. яз.)
- Цзинь жи Увэй [今日武威]. Увэй сегодня. Шанхай: Шанхай саньянь шудянь, 1992. 185 с. (на кит. яз.)
- Цзинь Шоушэнь.** Бэйцзин дэ чуаньшо [金受申。北京的傳說]. Пекинские предания. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 1981. 200 с. (на кит. яз.)
- Цзинь Шоушэнь.** Бэйцзин миньцзянь гуши [金受申。北京民間故事]. Пекинские народные повествования. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2020. 340 с. (на кит. яз.)
- Цюй Дацзюнь.** Гуандун синь юй чжу [屈大均。廣東新語注]. Новые речи о Гуандуне. Комментированное [издание]. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь, 1991. 720 с. (на кит. яз.)
- Чжан Цзянцзай.** Яньцзин фан гу лу. [張江裁。燕京訪古錄]. Записи о посещении древностей Яньцзина // Цуншу цзичэн сань бьянь. Тайбэй: Синь вэньфэн, 1996. Т. 83. С. 483–490. (на кит. яз.)
- Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Цзянсу цзюань [中國民間故事集成·江蘇卷]. Свод китайских народных повествований. Цзянсу. Пекин: Чжунго ISBN чжунсинь, 1997. 838 с. (на кит. яз.)
- Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Бэйцзин цзюань [中國民間故事集成·北京卷]. Свод китайских народных повествований. Пекин. Пекин: Чжунго ISBN чжунсинь, 1998. 969 с. (на кит. яз.)
- Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Хэбэй цзюань [中國民間故事集成·河北卷]. Свод китайских народных повествований. Хэбэй. Пекин: Чжунго ISBN чжунсинь, 2003. 969 с. (на кит. яз.)
- Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Тяньцзинь цзюань [中國民間故事集成·天津卷]. Свод китайских народных повествований. Тяньцзинь. Пекин: Чжунго ISBN чжунсинь, 2004. 839 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Ляньшань.** Чжунго Ханьго жэньцзи чуаньшо дэ бицзяо яньцзю [陳連山。中國韓國人祭傳說的比較研究]. Сравнительное исследование китайских и корейских преданий о человеческих жертвоприношениях // Дунфан миньцзянь вэньсюэ бицзяо яньцзю. Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2003. С. 41–50. (на кит. яз.)

References

- Bokshchanin A. A.** Imperatorskii Kitai v nachale XV veka [Imperial China at the Beginning of the 15th Century]. Moscow, Nauka, 1976, 323 p. (in Russ.)

- Chen Lianshan.** Zhongguo Hanguo renji chuanshuo de bijiao yanjiu [陳連山。中國韓國人祭傳說的比較研究]. A Comparative Study of Chinese and Korean Legends about Human Sacrifice. In: Dongfang minjian wenxue bijiao yanjiu. Beijing, Beijing daxue, 2003, pp. 41–50. (in Chin.)
- Dray-Novoy A.** Spatial Order and Police in Imperial Beijing. *The Journal of Asian Studies*, 1993, no. 52 (4), pp. 885–922.
- Gan Xi.** Baixia suo yan [甘熙。白下瑣言]. Trifling Talks from Baixia. Nanjing, Nanjing chubanshe, 2007, 200 p. (in Chin.)
- Gu Xijia.** Chunqiu wanqi Wu Yue yelian minus chuyi [顧希佳。春秋晚期吳越冶煉民俗芻議]. On the Folklore of Wu and Yue Related to the Smelting of Metal in the Late Spring and Autumn Period. *Hangzhou shifan xueyuan xuebao (shehui kexue ban)*, 2002, no. 5, pp. 56–59, 89. (in Chin.)
- Han Jianshi.** Shi tan Jinlu sheng mu zhu zhong niangniang miao [韓建識。試談金爐聖母鑄鐘娘娘廟]. A Short Investigation of the Temple of the Lady of the Golden Forge Bell Foundry. *Beijing Wenbo*, 2009, no. 3, pp. 89–92. (in Chin.)
- He J.** Spring and Autumn Annals of Wu and Yue: An Annotated Translation of Wu Yue Chunqiu. Ithaca, CUP, 2021, 292 p.
- Hung W.** Monumentality of Time: Giant Clocks, the Drum Tower, the Clock Tower. In: Nelson R. S., Olin M. (eds.). *Monuments and Memory: Made and Unmade*. Chicago, UC Press, 2003, pp. 106–129.
- Jin ri Wuwei [今日武威]. Wuwei Today. Shanghai, Shanghai sanlian shudian, 1992. 185 p. (in Chin.)
- Jin Shoushen.** Beijing de chuanshuo [金受申。北京的傳說]. Legends of Beijing. Beijing, Beijing chubanshe, 1981, 200 p. (in Chin.)
- Jin Shoushen.** Beijing minjian gushi [金受申。北京民間故事]. The Folk Stories of Beijing. Beijing, Beijing chubanshe, 2022, 340 p. (in Chin.)
- Lei Y.** Les cloches dans les temples de Pékin: paysages sonores et espaces sacrés de la capitale d'Empire, 1420–1900. Thesis, L'Université PSL, 2020, 507 p.
- Li Qiao.** Hangye shen chongbai: Zhongguo minzhong zao shen yundong yanjiu [李喬。行業神崇拜：中國民眾造神運動研究]. The Worship of Trade Patrons: Research on Chinese Folk God-making. Beijing, Beijing chubanshe, 2013, 486 p. (in Chin.)
- Qu Dajun.** Guangdong xin yu zhu [屈大均。廣東新語注]. New Sayings of Guangdong: commented [edition]. Guangzhou, Guangdong renmin, 1991, 720 p. (in Chin.)
- Starostina A. B.** Kitaiskie predaniya o stroitel'noj zhertve v VIII–IX vv. i poklonenie boginyam kuznechnogo gorna [Chinese Legends about the Construction Sacrifice in the 8th – 9th Centuries and Worship of the Smithing Goddesses]. *Orientalistica*, 2023, no. 6 (1), pp. 144–157. (in Russ.) DOI 10.31696/2618-7043-2023-6-1-144-157
- Stent G. K.** Chinese Legends. *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. New Series*, 1873, no. 7, pp. 183–196.
- Stuzhina E. P.** Kitaiskoe remeslo v XVI–XVIII vekakh [Chinese Craftsmanship from the 16th to the 18th Century]. Moscow, Nauka, 1970. 264 p. (in Russ.)
- Tan Naili.** Jiu jing chengshi jianshe: xun zong zhui ji Цзю цзин чэнши цзяньшэ: сюнь цзун сюнь цзи [譚乃立。舊京城市建設：尋踪追跡]. The Urban Construction in the Old Capital: the Search for Traces. Beijing, Shoudu jingji maoyi daxue, 2010, 401 p. (in Chin.)
- Wagner D. B.** The Traditional Chinese Iron Industry and its Modern Fate. Surrey, Curzon Press, 1997. xii + 106 p.
- Wang Bin, Xu Xiushan** (eds.). Beijing diming dian [王彬，徐秀珊主編。北京地名典]. Dictionary of Place Names in Beijing. Beijing, Zhongguo wenlian, 2008, 667 p. (in Chin.)
- Yanshina E. M.** Formirovanie i razvitie drevnekitaiskoi mifologii [The Establishment and Development of the Ancient Chinese Mythology]. Moscow, Nauka, 1984, 248 p. (in Russ.)

- Zhang Jiangzai.** Yanjing fang gu lu. [張江裁。燕京訪古錄]. Records of Visiting Ancient Sites in Yanjing. *Congshu jicheng san bian*. Vol. 83. Taipei, Xin wenfeng, 1996, pp. 483–490. (in Chin.)
- Zhongguo minjian gushi jicheng. Beijing juan [中國民間故事集成·北京卷]. Collection of Chinese Folk Stories. Beijing. Beijing, ISBN zhongxin, 1998, 969 p. (in Chin.)
- Zhongguo minjian gushi jicheng. Hebei juan [中國民間故事集成·河北卷]. Collection of Chinese Folk Stories. Tianjin. Beijing, ISBN zhongxin, 2003, 969 p. (in Chin.)
- Zhongguo minjian gushi jicheng. Jiangsu juan [中國民間故事集成·江蘇卷]. Collection of Chinese Folk Stories. Jiangsu. Beijing, ISBN zhongxin, 1997, 838 p. (in Chin.)
- Zhongguo minjian gushi jicheng. Tianjin juan [中國民間故事集成·天津卷]. Collection of Chinese Folk Stories. Tianjin. Beijing, ISBN zhongxin, 2004, 839 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Аглая Борисовна Старостина, кандидат философских наук
Scopus Author ID 57224807594
WoS Researcher ID S-7377-2018
RSCI Author ID 335920
SPIN 5518-8607

Information about the Author

Aglaia B. Starostina, Candidate of Sciences (Philosophy)
Scopus Author ID 57224807594
WoS Researcher ID S-7377-2018
RSCI Author ID 335920
SPIN 5518-8607

*Статья поступила в редакцию 11.08.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 10.10.2023
The article was submitted on 11.08.2023;
approved after review on 10.09.2023; accepted for publication on 10.10.2023*